

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original Article

Современное противостояние Запада и России как этап столкновения цивилизаций и его особенности

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Попытка создать «универсальное государство» в виде американской империи, по методологии А. Тойнби, стала «ответом» на глобальный вызов всемирной взаимозависимости. Американская империя была оформлена как мировая диктатура, которая игнорировала интересы новых мир-цивилизаций Востока. В результате возникла ситуация «надлома» в развитии евро-атлантической цивилизации, которая выразилась в серии локальных военных конфликтов. На современном этапе они переросли в макрорегиональный – украинский конфликт. На этом фоне в рамках мобилизационной стратегии в российской научной литературе переосмысливают идею «осажденной крепости». В Европе формулируется концепция «осажденного Запада», которая развивает представления об агрессивном «восточном варварстве» и стимулирует политику «сдерживания России». Одной из проблем внутренней жизни России стал «негативный патриотизм», генезис которого обусловлен, по А. Тойнби, имитационным характером русской элиты. Российские исследователи считают, что данное явление стало результатом обесценивания исторической значимости русской национальной идентичности.

Ключевые слова: цивилизация, концепция «осажденной крепости», Запад, концепт «восточного варварства», негативный патриотизм, национальная идентичность, Россия

Цитирование: Спиридонова В.И. (2023) Современное противостояние Запада и России как этап столкновения цивилизаций и его особенности // Общественные науки и современность. № 2. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049923020016, EDN: CDYSGE.

Modern West-Russia Confrontation as a Stage of the Clash of Civilizations and Its Peculiarities

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
spirid@yandex.ru. ORCID:0000-0002-6774-7203

Abstract. The attempt to create a “universal state” in the form of an American empire was the response to the global challenge of world interdependence according to A. Toynbee’s methodology. It was designed as a unipolar dictatorship, ignoring the interests of the new “world-civilizations” of the East. This matter led to the decline of Euro-Atlantic civilization’s development. The stage of “collapse” is accompanied by a number of local military conflicts that grew into a macro-regional one – the Ukrainian conflict. As part of the mobilization strategy, the idea of a “besieged fortress” is being rethought in the Russian academic literature, and the concept of the “besieged West” was invented in the West. The latter uses the concept of aggressive “oriental barbarism” and stimulates the policy of “detering Russia”. The phenomenon of “negative patriotism” has become one of the problems of Russia’s public life. A. Toynbee assigned the genesis of this concept to the imitative nature of Russian elites. Russian researchers see it as a result of the devaluation of the historical significance of Russian national identity.

Keywords: civilization, besieged fortress, West, oriental barbarism, negative patriotism, national identity, Russia

Citation: Spiridonova V.I. (2023) Modern West-Russia Confrontation as a Stage of the Clash of Civilizations and Its Peculiarities. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049923020016, EDN: CDYSGE.

Современное столкновение между Западом и Россией, которое переросло в острую фазу на территории Украины, стало предметом научных дискуссий о причинах и ходе вооруженного противостояния, а также характере и формах этого конфликта [Кремнев 2019]. Между тем подобного рода конфликты есть противостояние ценностей и убеждений, которые составляют глубинный «геоисторический» стержень цивилизаций. Мир осознает, что евроатлантическая цивилизация – не единственный образец для подражания, ее все меньше ассоциируют с «факелом» всеобщего прогресса. На первые места на мировой арене выходят иные «мир-цивилизации» – китайская, российская, индийская. Однако рождение нового мирового порядка вновь происходит в ходе военной конфронтации, которая угрожает перерасти в мировую войну. История повторяется, хотя текущее противостояние между цивилизациями обладает качественно иными основаниями и характеристиками, изучение которых может сыграть важную роль в преодолении современных вызовов.

Макрополитические истоки современной битвы цивилизаций

Стремление окончательно утвердить однополярный мир в конце XX – начале XXI вв. фактически стало проявлением новых мегатоталитарных тенденций. Как отметил в 2014 г. профессор В.Н. Расторгуев, ссылаясь на рассуждения И. Канта, под однополярным миром подразумевалась модель мирового «планетарного единодержавия» [Расторгуев 2014, 45].

И. Кант считал «всеобщее единодержавие», которое формируется посредством международных союзов, самым большим злом. Стремящееся к нему государство, писал философ, хочет стать «универсальной монархией» и поглотить все остальные страны, превращаясь в чудовище, «в котором законы постепенно теряют свою силу» [Кант 1965, 37]. Тем не менее именно этому негативному сценарию следуют сегодня США. Его опасность заключается в возможном развязывании масштабной войны для расчистки «жизненного пространства под новый глобальный проект наддержавного, надгосударственного единовластия» [Расторгуев 2009, 45].

Составной частью сценария в наше время становятся так называемые «этнотемократические революции» по установлению режимов прозападного образца (в том числе на постсоветском пространстве) через поддержку радикальных националистов. Такие искусственно создаваемые кризисные ситуации должны стать (и отчасти уже стали) подготовительным этапом к большой войне, о чем в ином контексте предупреждал А. Тойнби. Согласно теории английского историка, развитие больших цивилизаций, к которым относятся и евро-атлантическая, имеет циклический характер. Одной из стадий процесса выступает так называемый «надлом»: он происходит тогда, когда цивилизации не удается дать адекватный ответ на очередной «вызов». «Наше исследование надломов, из которых происходят распады, – пишет Тойнби, – показало, что частым поводом, симптомом или даже причиной надлома являлась вспышка особенно яростной войны» [Тойнби 2009, 713].

Исследуя историческую динамику западной цивилизации в формате «вызов-ответ», который соответствует динамике «рост-надлом-падение», А. Тойнби пишет, что первым историческим вызовом для западной цивилизации стало нашествие варваров, преодолеть который удалось с помощью экуменического церковного института папства. Следующим вызовом исследователь называл усиление единого церковного мира. Ответом на него должны были стать новые экономические и политические решения – концепты локальных «государств-наций» и парламентской системы управления – а также промышленная революция. Однако затем возник очередной вызов – всемирная взаимозависимость. А. Тойнби приходит к выводу, что его современники (середина XX в.) не нашли решения этой важной для западной цивилизации проблемы. Опираясь на логику английского историка, можно констатировать, что в конце прошлого столетия США предприняли попытку создать универсальное государство на основе глобализации. Однако «ответ» в виде однополярного мира с жестким диктатом, который игнорирует интересы поднимающихся новых «мир-цивилизаций» Востока, оказался неэффективным. В результате псевдоуниверсальное государство США, в соответствии с историческими ритмами и законами эволюции цивилизации по А. Тойнби, не справилось с макровывозом и пошло по классическому для этой схемы пути. США развязали ряд локальных военных конфликтов на Ближнем Востоке, а завершающим аккордом стал макрорегиональный конфликт в Восточной Европе на пространстве Украины. Он постепенно трансформируется в мировое противостояние между Западом и Востоком. Согласно идеям А. Тойнби, данные процессы можно расценивать как признак начала распада самой евроатлантической цивилизации. Многие европейские континентальные державы ранее также пытались создать универсальные государства, в частности, такие попытки делали в Испанской империи, Франции Людовика XIV и Наполеона, Германии Вильгельма II и А. Гитлера.

Каждый раз такие инициативы разрушали мировое «политическое равновесие». Следует отметить, что с каждым новым случаем масштаб мирового охвата неуклонно расширялся. Сначала подобные мировые катаклизмы инициировали представители европейской цивилизации. В XX в. такие инициативы вышли за пределы Атлантики и выросли до планетарного масштаба. Протекторат США над Старым Светом после

1945 г. сделал евроатлантическое пространство единым объектом, что стало своеобразной экстраполяцией доктрины Монро на европейский субконтинент [Тойнби 2009, 780]. Новая вариация этого контракта декларировала защиту объединенного евро-американского жизненного пространства от «советской угрозы», как некогда первый вариант концепции Монро предполагал оградить южно-американские земли от испанских и иных европейских претензий.

Американский политолог С. Хантингтон, который опирается на методологию А. Тойнби в своем анализе цивилизаций, подчеркивает, что западная фаза международной политики подходит к концу. «На вершине своего могущества, – пишет он, – Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов для того, чтобы придать миру незападный облик» [Хантингтон 1994, 35–36]. В контексте данного исследования особо значимо утверждение о завершенности определенного этапа развития Запада: когда он единолично определял вектор эволюции мира, понятия «мировое сообщество» и Запад были тождественны, а под понятием универсальной цивилизации скрывалась идея господства западных ценностей. Происходящие процессы соответствуют тезису А. Тойнби о приближении западной цивилизации к фазе «надлома».

О наступлении такого момента также свидетельствует ощущение завершения исторического цикла развития. Заявление Ф. Фукуямы о «конце истории» можно считать выражением такого чувства [Фукуяма 2010].

В цивилизационном контексте «кризиса-надлома» такое представление далеко не ново. Непоколебимая вера в то, что «история закончилась», возникает не в первый раз. В Великобритании в период наивысшего подъема Британской империи в конце XIX в. средний класс считал, что для него наступил золотой век. По тем временам он представлял собой аналог современного гипотетического «золотого миллиарда», который не желал принимать во внимание чаяния и нужды жителей колоний и бедных стран. Передел мира начинается с войн – сначала локальных, которые Тойнби именуется «предварительными», подготавливающими большую мировую войну [Тойнби 2009, 764–765]. Малые подготовительные столкновения рискуют перерасти в глобальный конфликт. Самым ярким примером такого рода стали мировые войны 1914–1945 гг., происходившие с паузой на межвоенное перемирие. Первой войне 1914–1918 гг. предшествовала серия турецко-итальянской и балканских войн. Вторую мировую войну 1941–1945 гг. предваряли локальные войны – Японии в Маньчжурии, Италии в Абиссинии, гражданская – в Испании.

Помимо очевидного военного импульса развития событий, на который указывал А. Тойнби, сценарий глобального господства XX в. предполагал раздробление крупных имперских образований на множество мелких «национальных государств», которые были бы образованы на моноэтнической основе. В реальности мировые акторы не руководствовались заботой о сохранении культурно-национального своеобразия народов в рамках глобализации. Как отмечал британский исследователь Э. Хобсбаум, «нация, будучи извлеченной из твердой оболочки государства, как моллюск из своей раковины, превращается в нечто пластичное и желеобразное» [Thiess 2014]. Цель модели моноэтнического государства – раздробить большие многонациональные политические формы, чтобы лишить существующую в них систему управления скрепляющей наднациональной функции. В результате эти образования становятся беспомощными и безвольными перед лицом жесткого мирового диктата главного «центра силы» – США, которые в противовес международному праву продвигают «порядок, основанный на правилах», никем не сформулированных и не кодифицированных. На фоне этой аргументации исторически присущее России стремление к сильной государственности с ее охранительно-цементирующей функцией на Западе толковали как проявление тоталитаризма и архаики, как попытку

сохранить «авторитарную систему правления». На самом деле, как отмечал Н. Данилевский, объединяющее многонациональный народ государство в России было оболочкой, которая защищала внутреннее содержание. «Твердость наружной скорлупы» препятствовала попыткам завоевания России, которые неоднократно принимали обманчивую форму «европеизации» – на самом деле она означала ликвидацию субъектности и политического суверенитета [Данилевский 1991, 68–69]. В 1990-е гг. XX в. внутрироссийские элиты переняли матрицу «государства-нации» европейского образца, не учитывая интересы и исторические особенности развития России. Сегодня коллективный Запад предполагает в качестве следующего этапа завоевания России сценарий образования на ее территории мелких «этнонациональных государств» по образцу «парада суверенитетов», «отколовшего» от государственного ядра национальные республики. Военное противостояние на Украине становится промежуточным рубежом этого процесса. В качестве реакции на создавшуюся ситуацию в России и Европе появились внешне схожие, но, по сути, противоположные концепции, которые должны мобилизовать население в рамках нарастающей угрозы конфликта мирового масштаба.

Россия и Запад – две «осажденные крепости»

В рамках обострения ситуации на Украине в России возникла острая необходимость перейти к государству мобилизационного типа, что привело к возрождению идеи «осажденной крепости» – с определенными коррекциями [Шевченко 2020; Шевченко 2022]. Она стала ответом на вызов беспрецедентных санкций, которые, по замыслу их западных инициаторов, должны сковать страну по всему ее геополитическому периметру. Естественной реакцией в сложившихся условиях становится круговая оборона, которая и отражена в концепции «осажденной крепости».

Российский ученый В.Н. Шевченко рассматривает три последовательных этапа реализации идеи «осажденной крепости» в России – при Николае I, во времена СССР и «возникающие контуры осажденной крепости у нынешнего российского государства» [Шевченко 2022, 70]. Автор связывает это явление с необходимостью обрести независимость от Запада в условиях внешнего давления. Как отмечает исследователь, конкретные проявления такого давления различались на каждом историческом этапе. В николаевскую эпоху они были результатом торговой политики России, которая снижала конкурентные преимущества Англии. Для СССР выстраивали препятствия идеологического характера, которые были обусловлены противостоянием двух систем – капитализма и социализма. Сегодня, пишет автор, «Россия стала врагом, потому что она хранит традиционные ценности!.. Вновь осажденная крепость, но уже в XXI в. На страну обрушилось огромное давление – разрыв отношений, блокада и санкции, политический шантаж и обман, нечестная конкуренция, насильственный отъем российских финансов» [Шевченко 2022, 85]. Следует добавить, что в основе современного конфликта, как и в предыдущие периоды, лежит колониальная парадигма западной цивилизации, усиленная проблемами с ресурсами, что порождает стремление овладеть природными богатствами России. В.Н. Шевченко перечисляет главные цели государства в сложившейся ситуации: «национальная безопасность, защита суверенитета, сохранение права на собственный путь развития» [Шевченко 2022, 81].

Можно дискутировать о том, нужна ли России изоляция в подобных обстоятельствах. В то же время следует признать, что в условиях избавления от подчиненного положения по отношению к евро-американской цивилизации изживается ментальная зависимость от западных установок и ценностей. Взамен общество должно обрести важное для

успешного развития народа углубленное осознание собственной идентичности. В данном смысле такой этап эволюции экзистенциально необходим и неизбежен.

Ренессанс тезиса об «осажденной крепости» в российской научной литературе некоторые интеллектуальные круги привычно воспринимают как «фантомные тоталитарные боли». Однако парадокс ситуации состоит в том, что такой же «ответ» рождается «здесь и сейчас» в благополучной Европе, которую сегодня называют «осажденным Западом» (*un Occident assiégé*) [Dhume 2019, 31]. Тем не менее, этот феномен имеет другие истоки. Он структурирован в рамках фундаментальной исторической дилеммы «цивилизация-варварство».

Российская идея «осажденной крепости» имеет оборонительный и вынужденный характер, она появилась в результате внешнего давления. Концепция «осажденного Запада» родилась как реакция на неудачи его собственной внутренней политики мультикультурализма, когда в обществе начали усиливаться страхи распространения «восточного варварства». Данный тезис имеет исторические корни: в Римской империи различали два типа варварства – «северное» и «восточное». Первое отождествлялось с нашествием германцев и скандинавов и было психологически родственно римлянам. Оно ассоциировалось с жесткостью воинских сражений, агрессивностью, но одновременно с мужеством и стойкостью. «Восточное» или «азиатское» варварство воспринимали как рожденное полностью иррациональным с точки зрения европейцев поведением – ленью, изнеженностью, чрезмерной чувственностью, развращенностью. Носители таких характеристик подлежали физическому истреблению как варвары-«орки», «не поддающиеся перевоспитанию».

В современной Европе «восточное варварство» соотносили именно с таким классическим историческим дискурсом. Авторы ссылались на великие миграционные и завоевательные движения в Центральной и Восточной Европе между IV–VII вв. Современное «восточное» варварство представлялось первоначально как «мусульманская проблема». Из контент-анализа СМИ – в частности, архива газеты «Le Monde» с 1944 г., – можно составить «портрет» такого «восточного варвара», который пресса сформировала для широкой общественности. Он – «захватчик», «жестокий враг», «чуждый прогрессу», «приносящий продолжительный хаос», «угрожающий цивилизованному раю» и стремящийся установить «анархию на руинах европейской цивилизации»; «орды, приходящие с Востока», «кровавые фанатические убийцы», которые «насилуют, казнят, пытаются и расстреливают». Они одержимы «низменными инстинктами», представляют собой «тупые» орудия «репрессивных режимов» и «уничтожают все и вся, свирепо и без малейшего на то повода» [Dhume 2019, 26–27]. Как отмечает исследователь этих процессов Ф. Дюм, подобная риторика подготавливала общественное мнение в европейских странах к возможному силовому противостоянию и войне.

В реальности эта ментальная предвоенная подготовка оказалась полезной для мобилизации населения в условиях вооруженного конфликта на Востоке Европы. Лексику «восточного варварства» и созданную картину мира перенесли на представителей России и ее политику. Последняя якобы несет миру «распространение русского империализма», от которого избавить человечество может только «Новый Рим» в лице Соединенных Штатов – «единственной державы, способной сдержать набеги» восточных варваров [Dhume 2019, 30]. Портрет «восточного варвара», созданный в прессе ранее для описания «восточных деспотических режимов», даже не нужно было радикально корректировать. Следовало только повторять утвердившиеся клише, дополняя их свежими «иллюстрациями». Переосмысление «восточного вопроса» на основе концепции «осажденного Запада» имело мобилизационно-наступательный характер, цель которого – консолидировать население Европы для политики сдерживания России.

Идеологизированное использование «восточного вопроса» в мусульманском варианте с последующим его распространением на Россию имеет глубокие исторические корни. Изначальная его цель – придать масштабный объединительный импульс в Европе в целом. По мнению Ф. Гизо, противостояние христианской идеи, христианского мировоззрения мусульманскому миру стало сильнейшим толчком к тому, чтобы европейское общество осознало себя единой цивилизационной общностью. Объединение европейских государств как качественно новое явление в жизни западной цивилизации произошло во времена крестовых походов. Французский философ описывает это событие следующими словами: «Повсеместность, всеобщность – вот первый характер крестовых походов; в них участвовала вся Европа, они были первым европейским событием. До крестовых походов Европа никогда не приводилась в движение одним и тем же стимулом, никогда не участвовала в одном и том же деле; Европы, можно сказать, вовсе не было» [Гизо 2007, 188]. Идеи противостояния в характерной для той эпохи религиозной форме предвещало рождение «общевропейской» нации. В крестовых походах участвовали французы, германцы, итальянцы, испанцы, англичане. Эти походы затрагивали не только все нации, но и все сословия, на определенном временном отрезке устраняя даже социально-классовые противоречия. Они создали основу сначала для внутринациональной, а затем и для общевропейской солидарности.

Данный пример демонстрирует основы, из которых вырастает европейская солидарность. Героическое событие, которое сформировало «новую объединенную Европу», в соответствии с современными воззрениями представляло собой агрессивный акт, насильственное действие, проходящее в формате мировой войны, войны цивилизаций. Помимо прочего, крестовые походы Европы, которая уже тогда считала себя, по свидетельству Ф. Гизо, образцом для подражания и моделью развития человечества в целом, призваны были утверждать исключительность и лидерство Европы по отношению к другим народам. В данном аспекте концепция Гизо предвосхитила современные теории универсализации и мессианства, плавно перерастающие в расовый фундаментализм. «Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, – писал французский философ, – к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями» [Гизо 2007, 43].

Европейская мысль с начальных этапов своего развития воспринимала «восточные народы» как варварские и низшие. Она игнорировала целые главы чужой истории в случае, если они не вписывались в созданную западной цивилизацией концепцию. Данное явление не укладывается в понимание Запада как изобретателя передовых политических форм. Даже столь далекая от этих достижений область вероисповедания рассматривается предвзято и прагматически – Запад оценивал конфессии исключительно с точки зрения их применимости для достижения своих целей. Так, восточную ветвь христианства, как пишет А. Тойнби, изначально считали «временным наростом на теле западного общества... Православное христианство, по этой версии, зародившись, служило оплотом западного общества в борьбе с Востоком» [Тойнби 2010, 88]. Исчерпав свои функции, этот «нарост» должен был исчезнуть за ненужностью, «подобно тому как у головастика отваливаются жабры или хвост на стадии превращения его в лягушку» [Тойнби 2010, 88]. Точно в такой же логике рассматривалось и существование России как самостоятельного государства. Запад никогда не считал восточного соседа суверенным политическим субъектом, рассматривая его как удобный расходный инструмент в борьбе с остальным Востоком – в зависимости от ситуации исламским, индуистским или дальневосточным. Соответственно, России также отказывали в цивилизационном статусе, определяя составляющие ее народы как полу-

варварские и туземные, которые могут быть только ресурсом по отношению «к колеснице западного общества» [Тойнби 2010, 88].

Главная проблема Запада состоит в том, что он исходит из особенностей собственного развития, в котором наиболее заметные и эффективные для европейского континента трансформации происходили в политической области. Соответственно, такие достижения исследователи рассматривают как приоритетные для развития всего остального человечества. В то же время они не обращают должного внимания на сферу культуры, которая в реальности более важна для эволюции, нежели инструментальная по своей сути сфера политики. В современном мире эта особенность выражается в утверждении о неоспоримом преимуществе демократических и парламентских форм правления над остальными, которые именуют деспотическими. Динамизм западных обществ противопоставляется кажущейся статичности восточных.

На самом деле такие доводы опираются на идеи абстрактного прогресса, которые намеренно исключают из рассмотрения природный фактор – сложности географической среды, характерные, в частности, для российских регионов; трудные условия существования в зонах евразийского пространства с резко континентальным климатом и постоянной борьбой за выживание в зонах Севера или степи. На данный аспект обращает внимание А. Тойнби, заявляя, что жизнь на этих пространствах – «это постоянная схватка с Природой, которая неизбежно ведет к поражению, как только человек разрушает свою организацию или ослабляет дисциплину» [Тойнби 2010, 90]. Соответственно, тактика проживания на подобных землях отличается от жизни в Европе с ее мягким климатом, и она порождает иные политические формы адаптации к среде. В таких условиях государство воспринимается как «добродетель», как охранителя и защитника социума. Появляется акцент на идее общего блага и прагматической общенациональной координации усилий, следствием которых становится логика сильной вертикали власти. Она характерна не только для России, но и для других незападных государств со «сверхбольшими» национальными территориями и многоликим этническим и культурным фундаментом.

Запад трактует экзистенциальную необходимость учитывать вариативность политических систем в соответствии с условиями не-Запада как негативную политическую ригидность – «деспотизм». Отсюда исходит стратегия разрушения того типа государственности, который был представлен в Российской империи и Советском Союзе. Подрыв проверенной в этих особых условиях организации общества, которая основана на более жестком соподчинении регионов и более строгой дисциплине, приводит к саморазрушению такого общества. Итоги и последствия подобной социально-политической катастрофы могут быть временными или окончательными, что зависит, в конечном счете, от жизнеспособности данного образования.

Росту витальности государства способствует, в первую очередь, давление извне. А. Тойнби выделяет пять типов вызовов, которые усложняют условия существования, но в итоге приводят к зарождению жизнестойких великих цивилизаций: вызов суровых стран, вызов новых земель, вызов военных ударов, вызов давления и вызов ущемления. Россия за свою историю успешно справлялась со всеми пятью типами, что не сравнимо ни с одной из ныне существующих цивилизаций. Английский историк относит Россию к государствам, которые испытывают непрерывное давление извне на протяжении длительного времени, называя такого рода страны цивилизациями-«форпостами» [Тойнби 2010, 148]. Из-за сильнейшего внешнего воздействия то с Востока, то с Запада Россия была вынуждена вести многочисленные войны, чтобы обезопасить себя. Ему же она обязана своим географическим расширением, а вовсе не абстрактному импульсу «имперского величия».

Долговременная историческая схватка пришла к частичному краткосрочному перемирию только в середине XX в. В тот период сформировалось политически лояльное пространство в восточных и южных регионах России, а позднее образовался пояс восточноевропейских государств, который отделил ее от великих держав западного мира.

Из изложенного выше можно сделать вывод, что Россия не могла избежать военной оборонительной реакции на новые, невиданные по мощи «вызовы внешнего давления», которые выражаются в приближении блока НАТО к ее границам. Давление сопровождается «вызовом ущемления» – введением беспрецедентных по масштабам экономических и торговых санкций, которые полностью соответствуют тактике блокады морских держав. По логике А. Тойнби, одним из вариантов ответа в таких условиях выступают военные действия. Этот вариант стал для России единственной возможностью перестать ощущать себя отстающей, «незавершенной» [Д'Анкокс 2005], «вторичной» по отношению к Западу цивилизацией.

Негативный патриотизм

Ощущение «вторичности», которое гипнотически владеет частью российского общества, привело к тому, что некоторые его представители принципиально желают проигрыша собственной стране и поддерживают врага – открыто или скрытно. В случае, если бы эта ситуация была единичным и современным историческим прецедентом, можно было бы искать причины ее возникновения в неких конкретных обстоятельствах. Однако это явление уже встречалось в истории России. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. оно получило название «обратного патриотизма», «патриотизма наизнанку» [Перцов 2004]. О том, что этот эффект появился из-за российского самоощущения второсортности по отношению к европейским процессам, свидетельствует замечание В.В. Розанова: «...У нас самое слово “патриотизм” и “патриот” печатается и произносится в презрительно-безграмотном виде. Ибо подразумевается: “кто же из грамотных русских людей, поучившихся в гимназии и университете, может принадлежать к патриотам”. Во Франции – патриотизм, в Германии – патриотизм, в Англии – патриотизм. Им – позволено» [Розанов 2008, 197].

Другой русский философ начала прошлого века В.Ф. Эрн также указывал на «духовное отступничество» части русской интеллигенции того времени, которая так же, как и сегодня, печалилась только о том, как скоро «все водворится на свои старые места» [Эрн 1991а, 302], и не замечала падения и внутреннего одичания противника. Такая позиция, полагал он, «объясняется лишь установившимися навыками априорно, наперед презирать всякое русское дело, щедрым авансом обливать подозрительным недоверием всякое русское начинание» [Эрн 1991б, 349]. В.Ф. Эрн называл такие выступления в обществе «обходом с тыла» и считал их результатом того, что в предшествующие годы Россия и ее интеллигенция бездумно «шла на буксире европейской истории» [Эрн 1991а, 303].

А. Тойнби рассматривает этот феномен в более широкой перспективе предательства своего государства внутренней элитой. Он объясняет это патологическое явление искусственным характером рождения самого российского интеллигентского сословия, которое появилось в условиях конкуренции с классическими западными обществами. Современный характер западной цивилизации он связывает с возникновением в ней среднего класса или буржуазии. Как он утверждает, в России Петр I создал «заменибель доморощенного среднего класса», который и стал представлять собой то, что впоследствии назвали интеллигенцией. Однако «современный западный средний класс был автохтонным элементом в обществе, в котором стал господствовать» [Тойнби 2009, 581],

в то время как российская интеллигенция сформировалась в рамках догоняющего развития, стремления копировать европейские успехи, и в этом смысле она была плодом «поражения собственного общества в столкновениях с современным Западом» [Тойнби 2009, 582]. Такая «родовая травма», своего рода комплекс неполноценности и привели к ситуации, когда «суррогат» среднего класса восстал сначала против своего создателя – Петра I (с временной задержкой – в эпоху Декабристского восстания 1825 г.), а впоследствии – против государства как такового. Отголоском такого положения можно считать явление «обратного патриотизма».

Психоаналитическое объяснение негативного патриотизма отчасти проясняет истоки проблемы. Однако тот факт, что негативный патриотизм традиционно проявляет себя во время войны, требует отдельного рассмотрения.

Всякую войну ведут ради целей несравненно более широких, чем те, во имя которых она была объявлена, отмечал русский правовед начала прошлого века Д.Д. Муретов, анализируя ментальные последствия войны 1914 г. В ту эпоху суть проблемы состояла в том, что конфликт разгорелся вокруг ценностей, поступиться которыми уже не могла ни Россия, ни Запад, представленный в тот период Германией. «...Германский мир обратился в одно целое, и не случайно то, что с этого приблизительно времени... мы находимся с этим германским миром, выражаясь дипломатическим языком, в непрерывном “состоянии войны”» [Муретов 2004б, 180], – делал вывод ученый. Та же ситуация наблюдается и сейчас. Сегодня стало ясно, что аспект отстаивания цивилизационной идентичности России в ее противостоянии давлению западной цивилизации делает само противостояние (пусть и не в горячей его фазе) процессом длительным, если не перманентным.

В начале прошлого века война потребовала от российского общества ответить на вопрос об объективной ценности русской народности, о важности ее места и роли в мировом порядке. Под народностью понималась совокупность ценностей, общее духовное достояние данного народа, его совокупное творчество. Народ не есть суммарное количество людей, проживающих на определенной территории; он обладает «исторической глубиной», его формирует «единство, уходящее в прошлое и смотрящее в будущее» [Муретов 2004б, 175]. Тем не менее, «если народное единство охватывает не только живых, но и мертвых и еще не родившихся, то сознание требует указать нечто общее всем членам данного народа» [Муретов 2004а, 196]. В результате формируется духовная сущность, которая представляет собой совокупность всех поколений – уже ушедших предков, живущих в настоящем и будущих потомков – и представляет самую суть их единства. Именно такую сущность сегодня называют цивилизационной идентичностью, и именно за существование этой идентичности сегодня Россия вступила в противоборство с Западом точно так же, как сто лет назад.

Несмотря на терминологические расхождения, речь фактически идет о праве и о возможности сохранять и развивать собственную цивилизацию, самостоятельно выбирать путь в мире. Следует признать, что в начале Первой мировой войны еще не было очевидно, что вопрос может стоять о существовании страны. Считалось, что «столкновение ни с одним из государств... не может грозить России гибелью» [Муретов 2004б, 175]. В настоящее время ситуация меняется. Сегодня битва идет за две главные ценности: во-первых, за существование самой России и, во-вторых, за право России и русского народа на свое место в мировой истории, за признание ценности своего существования как своеобразной русской цивилизации, не менее важной для человечества, истории и культуры, чем евроамериканская, китайская или индийская.

«Негативный патриотизм» как реакция на нынешний конфликт, как и тогда, возникает из-за утраты чувства исторической ретроспективы и перспективы. «...Почувствуйте

себя поколением, не помнящим родства, и война делается для вас внутренне безразличной», – писал Д.Д. Муретов [Муретов 2004б, 176]. Логическому развитию неолитерализма мешают природно-исторические различия наций и народов. В результате возникает стремление заменить органически разные народные личности унифицированными гражданскими единицами, которые превращают людей в «членов акционерной компании». Отношения строятся не на важности существования в рамках общего духовно-ценностного пространства и общего достояния, а на основе интересов и выгоды. Пропадает ценностно-объединяющая основа жизни. Размывается понятие исторического единства, а с ним исчезает и ощущение уникальности данной народной личности, которую нужно беречь и охранять.

Проблема гуманистической оценки вооруженного конфликта по-прежнему стоит. Ценность существования народности, сохранение своей цивилизационной идентичности, верности своей уникальной исторической коллективной личности – все это обоснование необходимости его принять. «Принятие войны..., – писал Д.Д. Муретов, – возможно лишь в том случае, если нами принята наша народность, как ценность, достойная жертв и греха войны» [Муретов 2004а, 189]. В контексте нынешнего противостояния «негативный патриотизм» означает либо отрицание ценности существования русского народа в истории и нравственной ценности его исторического пути, либо, если носитель принадлежит к данной нации, самоуничтожение себя как народа. Отрицание праведности и правды данного противостояния равносильно допущению возможности существования мира без России, без российской цивилизации.

Заключение

Сегодня мы переживаем одно из тех роковых событий, которые знаменуют собой поворотные пункты в истории мировых цивилизаций. Смысл происходящего, как и сто лет назад, выходит за пределы материального столкновения двух вооруженных сил. Схватка приобретает высший духовный смысл отстаивания бытия русского народа, его уникальной цивилизационной идентичности. В 1914 г. В.Ф. Эрн называл Первую мировую войну высшей духовной борьбой, тяжбой всемирно-исторических начал. «Столкновение духа Германии и духа России, – писал он, – мне представляется внутреннею осью европейской войны» [Эрн 1991б, 297]. Цивилизационное противостояние Запада и Востока мыслители воспринимали как грандиозную перестройку всего мирового процесса. Оно представляло собой грань двух эпох, когда рушатся великие царства и возникают новые возможности для мира. Роль и значимость действий России как тогда, так и сегодня определяются тем, что она взяла на себя ответственность за судьбу мира, будучи вовлеченной в гущу событий. От исхода этого противоборства зависит не только ее собственное будущее, но и контуры зарождающегося нового мирового порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гизо Ф. (2007) История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего». 336 с.
- Д'Анкосс Э.К. (2005) Незавершенная Россия. М.: Росспэн. 192 с.
- Данилевский Н.Я. (1991) Россия и Европа. М.: Книга. 574 с.
- Кант И. (1965) Об изначально злом в человеческой природе // В: Кант И. Соч. в 6-ти томах. М.: Мысль. Т. 4. Ч. 2. С. 5–57.
- Кремнев П.П. (2019) Вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины: Правовая квалификация и последствия // Вестник РУДН. Политические науки. Т. 23. № 3. С. 394–412.
- Муретов Д.Д. (2004а) О понятии народности // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 189–204.
- Муретов Д.Д. (2004б) Правда нашей войны // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 169–181.
- Перцов П.П. (2004) Обратный патриотизм // В: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Изд. дом ПРЕНСА. 352 с. С. 156–158.
- Расторгуев В.Н. (2014) Все ли войны кончаются миром? // Пространство и время. № 3. С. 45–53.
- Расторгуев В. Н. (2009) Единодержавие: новые лики тоталитаризма // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. № 1. С. 43–50.
- Розанов В.В. (2008) Кн. Е. Н. Трубецкой и его «развенчание национализма» // В: В.В. Розанов. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. Собр. Соч. М.: Изд-во «Республика», Спб.: Изд-во «Росток». Т. 24. С. 196–197.
- Тойнби А. Дж. (2009) Исследование истории: цивилизации во времени и в пространстве. М.: АСТ. АСТ МОСКВА. 863 с.
- Тойнби А. Дж. (2010) Постижение истории. Избранное. М.: Айрис Пресс. 640 с.
- Фукуяма Ф. (2010) Конец истории и последний человек. М. Изд-во АСТ: Полиграфиздат. 588 с.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // Полис. № 1. С. 33–48.
- Шевченко В.Н. (2020) К современным дискуссиям вокруг «особого пути» развития России // Вестник РФО. Вып. 1-2. С. 39–51.
- Шевченко В.Н. (2022) Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. Т. XXIV. Вып. 2. № 2. С. 70–86.
- Эрн В.Ф. (1991а) Голос событий // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 299–303.
- Эрн В.Ф. (1991б) Меч и крест // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 297–298.
- Эрн В.Ф. (1991в) Ненужные рыдания // В: В.Ф. Эрн. Сочинения. М.: Издательство «Правда». С. 348–353.
- Dhume F. (2019) Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'unappel à la guerre identitaire? // Sens-Dessous. No. 24. Pp. 25–34.
- Thiesse A.-M. (2014) Nations, internationalismes et mondialisation // Romantisme. No. 17. Pp. 15–27. (<https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm>).

REFERENCES

- D'Ankoss E.K. (2005) *Nezavershennaya Rossiya* [Unfinished Russia]. Moscow: Rosspen. 192 p.
- Danilevskij N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga. 574 p.
- Dhume F. (2019) Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'unappel à la guerre identitaire? *Sens-Dessous*. no. 24, pp. 25–34.
- Ern V.F. (1991a) Golos sobytij [Voice of Events]. In: V.F. Ern. *Sochineniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 299–303.
- Ern V.F. (1991b) Mech i krest [Sword and Cross]. V.F. Ern. *Sochineniya*. Moscow: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 297–298.
- Ern V.F. (1991c) Nenuzhnye rydaniya [Unnecessary Sobbing]. V.F. Ern. *Sochineniya*. M.: Izdatel'stvo «Pravda». Pp. 348–353.
- Fukuyama F. (2010) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: Izd-vo ACT: Poligrafizdat. 588 p.
- Gizo F. (2007) *Istoriya civilizacii v Evrope* [The History of Civilization in Europe]. Moscow: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego». 336 p.
- Hantington S. (1994) Stolknovenie civilizacij? [The Clash of Civilizations?]. *Polis*. no. 1, pp. 33–48.
- Kant I. (1965) Ob iznachal'no zlom v chelovecheskoj prirode [About the Inherently Evil in Human Nature]. In: Kant I. *Soch. v 6-ti tomah*. Moscow: Mysl'. vol. 4, chapter 2, pp. 5–57.
- Kremnev P.P. (2019) Vooruzhennyj konflikt na YUgo-Vostoke Ukrainy: Pravovaya kvalifikaciya i posledstviya [Armed Conflict in the South-East of Ukraine: Legal Qualification and Consequences]. *Vestnik RUDN. Politicheskie nauki*. vol. 23, no. 3, pp. 394–412.
- Muretov D.D. (2004a) O ponyatii narodnosti [About the Concept of Nationality]. In: *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 189–204.
- Muretov D.D. (2004b) Pravda nashej vojny [The Truth of our War]. *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 169–181.
- Percov P.P. (2004) Obratnyj patriotizm [Reverse Patriotism]. In: *Naciya i imperiya*. Moscow: Izd. dom PRENSA. Pp. 156–158.
- Rastorguev V.N. (2014) Vse li vojny konchayutsya mirom? [Do All Wars End in Peace?]. *Prostranstvo i vremya*. no. 3, pp. 45–53.
- Rastorguev V. N. (2009) Edinoderzhavie: novye liki totalitarizma [Monocracy: New Faces of Totalitarianism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*. no. 1, pp. 43–50.
- Rozanov V.V. (2008) Kn. E. N. Trubeckoj i ego «razvenchanie nacionalizma» [Duke E. N. Trubetskoy and his «Debunking of Nationalism»]. In: V.V. Rozanov. *V chaduu vojny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg. Sobr. Soch.* Moscow: Izd-vo «Respublika», Spb.: Izd-vo «Rostok». vol. 24, pp. 196–197.
- Shevchenko V.N. (2020) K sovremennym diskussiyam vokrug «osobogo puti» razvitiya Rossii [Towards Modern Discussions around the «Special Way» of Russia's Development]. *Vestnik RFO*. vol. 1-2, pp. 39–51.
- Shevchenko V.N. (2022) Osobennosti civilizacionnogo razvitiya Rossii v kontekste protivostoyaniya s Zapadom. Fenomen rusofobii [Features of Russia's Civilizational Development in the Context of Confrontation with the West. The Phenomenon of Russophobia]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. vol. XXIV, no. 2, pp. 70–86.
- Thiesse A.-M. (2014) Nations, internationalismes et mondialisation. *Romantisme*. no. 17, pp. 15–27. (<https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm>).
- Toynbee A.J. (2009) *Issledovanie istorii: civilizacii vo vremeni i v prostranstve* [A Study of History: Civilizations in Time and Space]. Moscow: AST. AST MOSKVA. 863 p.
- Toynbee A.J. (2010). *Postizhenie istorii. Izbrannoe* [Comprehension of History]. Moscow: Ajris Press. 640 p.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240. E-mail: vspirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IF RAS). Address: 109240, Moscow, GoncharnayaSt., 12-1. E-mail: vspirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 11.01.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 24.03.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 17.04.2023